

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82

МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК ХУДОЖНИК-НОВАТОР: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО РОМАНА «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Гавриш Т. Р.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва
ligeia1838@yandex.ru

Опыт изучения романа «Жизнь Клима Самгина» отражает несомненный факт художественного новаторства Горького, создавшего свое итоговое произведение на стыке реализма и модернизма и предвосхитившего в его центральном персонаже героя классического экзистенциального романа, что является философски и художественно мотивированным: тема человека, его абсолютного одиночества в чуждом ему абсурдном мире и личного поиска пути стала одной из универсальных в искусстве XX века. Новейшее горьковедение обогащено опытом интерпретации «Жизни Клима Самгина» как повествования, несущего элементы экзистенциального. Специфика экзистенциального отражена и в отношении горьковских героев к действительности, и в их самоощущении. Горький исследует феномен внутренней раздробленности и самоопределения интеллигента-современника, вопрос вторичности человека относительно окружающего, проблему одиночества и отношения человека к другому. Главная сущностная черта Самгина, собственная «выдуманность» им самим, которую он переносит вовне, сопряжена с органичным и внутренне честным поиском концептуальной бытийной идеи. Определение, ставшее одним из символических атрибутов личности Самгина, он формулирует в измененном болезнью состоянии сознания: «Личность – комплекс прочно усвоенных мнений, это – оригинальный лексикон». Создание «системы фраз» – пусть ложное, но кажущееся герою верным средство гармонизации хаоса реальности, объективного определения сущности человека и максимальной отстраненности от действительности. В искренней, но безуспешной попытке Самгина разобраться в себе и окружающем мире Горьким прорисованы первые штрихи, из которых впоследствии сложится трагичный портрет главного героя его «прощального» произведения.

Ключевые слова: «Жизнь Клима Самгина», художественное новаторство, экзистенциальное, интеллигент-современник, измененное сознание, враждебность реальности, личностный поиск пути.

*«Я, может быть, самый трезвый человек в России...»
«Жизнь Клима Самгина», часть II*

Опыт изучения романа Горького «Жизнь Клима Самгина» отражает несомненный факт художественного новаторства писателя, создавшего свое итоговое произведение на стыке реализма и модернизма и предвосхитившего героя классического экзистенциального романа в своем центральном персонаже. Современными исследователями творчества Горького отмечено его предвидение появления в позднейшей литературе концептуального образа постороннего, которое

было философски и художественно мотивированным: тема человека и его абсолютного одиночества в чуждом ему абсурдном мире стала в искусстве XX века одной из универсальных. Новейшее горьковедение обогащено опытом интерпретации «Жизни Клина Самгина» как повествования, несущего элементы экзистенциального [1; 2; 3; 7; 8; 9; 13]. В образах Клина Самгина и большинства людей из его окружения Горьким действительно намечены характерные черты персонажа экзистенциального повествования.

Эта специфика отражена и в отношениях горьковских героев с окружающим миром, и в их самоощущении. Самгина не оставляет мучительное ощущение необычного внутреннего разлада: «Ему казалось, что он уже перегружен опытом, но иногда он ощущал, что все впечатления, все мысли, накопленные им, – не нужны ему. В них нет ничего, что крепко прирастало бы к нему, что он мог бы называть своим, личным домислом, верованием. Все это жило в нем как будто против его воли и – неглубоко, где-то под кожей, а глубже была пустота, ожидающая наполнения другим содержанием. Это ощущение разлада и враждебности между ним, содержащим, и тем, что он содержал в себе, Клим испытывал все чаще и тревожнее» [4, с. 220]. Для Самгина характерен взгляд на себя «как на человека умного, пронизательного и своеобразного. Человека более интересного и значительного, чем сам он, Клим еще не встречал» [5, с. 114]. В действительности же горьковский герой неизменно вторичен по отношению к окружающим его людям: «Клим усердно старался развить в себе способность создания своих слов, но почти всегда чувствовал, что его слова звучат отдаленным эхом чужих» [4, с. 111].

В юности Самгин начинает наблюдать и осмысливать феномен внутренней раздробленности человека, воспринимая его вначале вне отношения к себе. «Это – Фиона Трусова, ростовщица, все в городе считают ее женщиной безжалостной, а она говорит, что ей известен “секрет счастливой жизни”. Она – дочь кухарки предводителя уездного дворянства, начала счастливую жизнь любовницей его, быстро израсходовала старика, вышла замуж за ювелира, он сошел с ума; потом она жила с вице-губернатором, теперь живет с актерами, каждый сезон с новым; город наполнен анекдотами о ее расчетливом цинизме и удивляется ее щедрости: она

выстроила больницу для детей, а в гимназиях, мужской и женской, у нее больше двадцати стипендиатов» [5, с. 65].

От Инокова Самгин слышит о помощнике полицейского пристава Пуаре. «Беспутнейший человек этот Пуаре. <...> Он холостой и – распутник. <...> Циник, сластолюбец... <...> Как-то я остался ночевать у него, он проснулся рано утром, встал на колени и долго молился шепотом, задыхаясь, стуча кулаками в грудь свою. Кажется, даже до слез молился...» [5, с. 78].

Татьяна Гогина говорит о себе во множественном числе, а на вопрос Самгина: «– Почему?» – ответила: «– Потому что чувствую себя жилищем множества личностей и все они в ссоре друг с другом» [5, с. 236].

Молодой Самгин еще не осознает в полной мере своей внутренней «раздробленности». Однако он начинает ощущать, что непонятен себе самому: «<...> нередко он ловил себя на том, что наблюдает за собой как за человеком, мало знакомым ему и опасным для него» [4, с. 455].

Начавшаяся рефлексия горьковского героя несомненна и абсолютно искренна. Так, совершенно неподдельно сильное и настойчивое желание Самгина освободиться от внешнего, наносного, несвойственного ему, навязанного против воли. Гимназист Клим думает, «что хорошо бы сбросить вот так же всю эту вдумчивость, путаницу чувств и мыслей и жить просто, как живут другие, не смущаясь говорить все глупости, которые подвернутся на язык, забывать все премудрости...» [4, с. 188]. Категорически отказываясь от предложения уличной девушки, Самгин–студент внутренне комментирует свой отказ: «Вот так бы отшвырнуть от себя все ненужное» [5, с. 63]. Попытки самоопределения Самгина также не вызывают сомнения ни в факте их, ни в их подлинности. С одной стороны, он воспринимает себя как нечто неординарное, как «человека, который не чувствует границ своей личности» [4, с. 384], с другой – действительно не ощущает их, но искренне пытается отыскать. «Я полагаю, что прежде всего необходимо относиться честно к самому себе, нужно со всей возможной точностью установить границы своей личности. Только тогда возможно понять истинные запросы моего я», – говорит он Елизавете Спивак, лукавя

при этом относительно истинной цели «установления границ». Наедине с собой Клим формулирует ее иначе: «Нужно дойти до каких-то твердых границ и поставить себя в них, разоблачив и отбросив по пути все выдумки, мешающие жить легко и просто...» Однако факт стремления Самгина осознать себя как индивидуальность несомненен. Не случайно его отношение к «любителям споров и разногласий» автор характеризует как «подозрительное»: у горьковского героя возникает «смутное сомнение в праве и попытках этих людей решать задачи жизни и навязывать эти решения ему» [4, с. 144]. Но не только в этом причина недоверия Самгина: чужие «споры и разногласия» обостряют его осознание невозможности самоопределения. Кроме того, один из статичных самгинских идеалов универсального, бытийного личностного комфорта недостижим в динамичной, непрерывно изменяющейся и развивающейся действительности; горьковский герой ощущает это в совершенно естественных «спорах и разногласиях» других людей. В Петербурге, в новом для Самгина-студента окружении, среди ровесников-интеллигентов, он думает: «Как везде. <...> Нет ничего, о чем бы не спорили» [4, с. 206].

Безысходное одиночество – одна из характернейших особенностей образа Самгина, имеющая концептуальное значение. Круг одиночества в романе Горького очерчен автором принципиально отчетливо и серьезно. Художественное пространство «Жизни Клим Самгина» – это мир безнадежно одиноких людей: «...все женщины неизлечимо больны одиночеством», – говорит юному Климу мать [4, с. 351]; фельетонист газеты Варавки «Наш край» Робинзон прячет в карман еду «для знакомой собаки. У меня, батенька, “влеченье, род недуга” к бездомным собакам. Такой умный, сердечный зверь и – не оценен! Заметьте, Самгин, никто не умеет любить человека так, как любят собаки» [5, с. 17]; «У него учеников нет», – говорит Климу Иван Дронов о Степане Томилине; «От него все, – точно крысы у Гоголя, – понюхают и уходят» [5, с. 29]; «Может быть, и я в старости буду так же забыто сидеть среди людей, чужих мне», – думает Самгин об историке Козлове; «люди единодушно не обращали на него внимания <...>, относились к старику фамильярно и снисходительно» [5, с. 30]. Одиночество Самгина кристаллизуется постепенно. «Грустное чувство сиротства» впервые разбужено в душе Клим

смертью отца. «“Кровное родство. Уже лет десяти я чувствовал отца чужим... то есть не чужим, а – человеком, который мешает мне. Играет мною”, – размышлял Самгин» [5, с. 187]. На вечеринке у Лютова он, будучи, по словам Алины Телепневой, «пьян так, что даже позеленел», вне внутреннего контроля, говорит ей: «Пью. Один. Это мой “Манифест”» [5, с. 255]. Свою обреченность одиночеству Самгин объясняет себе тем, что «он – человек своеобразный, исключительный». Однако «эта самооценка, которой он так гордился», бывает у горьковского героя лишь ненужным воспоминанием [5, с. 268]. Мотив одиночества расширяется путем его введения в социальный план повествования. «Никогда не видал человека, который в такой мере чувствовал бы себя чужим всему и всем. Иностранец», – отзывается Варавка об Инокове. «И пытливо, с остренькой улыбочкой в глазах посмотрев на Клима, он спросил: “– А ты себя иностранцем не чувствуешь?” – “В государстве, где возможны Ходынки...” – начал Клим...» [4, с. 506]. Реплика Самгина прервана появлением в комнате Лидии, но утвердительный смысл его ответа однозначен.

Отношение Самгина к миру, не менее сложное, чем его отношение к себе, очень точно сформулировано его учителем Степаном Томилиным: «В мире идей необходимо различать тех субъектов, которые ищут, и тех, которые прячутся. Для первых необходимо найти верный путь к истине, куда бы он ни вел, хоть в пропасть, к уничтожению искателя. Вторые желают только скрыть себя, свой страх пред жизнью, свое непонимание ее тайн, спрятаться в удобной идее» [4, с. 130]. Пусть Томилин не отделяет «удобной идеи» от сформировавшегося убеждения, но так или иначе Клима узнаваем среди вторых.

Потребность Самгина в «идее» очень глубока, даже глубже, чем думает он сам. «Эти растрепанные, вывихнутые люди довольно удобно живут в своих шкафах... в своих ролях. Я тоже имею право на удобное место в жизни...», – думает он. Однако этим все-таки не исчерпывается необходимость «идеи» для Самгина – уже потому, что он, как и другие герои произведения, так напряженно ищет ее. Итог этого поиска станет ясен Самгину позднее; но, будучи студентом, он становится свидетелем безуспешного поиска «общей идеи» Иноковым [4, с. 298, 556], слышит слова Игоря Туробоева: «Среди господствующих идей нет ни одной, приемлемой для меня» [4, с.

376]. К этому же выводу позднее придет и Самгин: «Суть в том, что я не могу найти в жизни точку, которая притягивала бы меня всего целиком» [6, с. 166].

Пока же люди, с комфортом пребывающие, по мнению Самгина, «в своих ролях», требуют объяснения. «Клим чувствовал, как возрастает в нем жажда понять людей <...> он хотел знать людей», – пишет Горький [4, с. 216, 217]. Позднее он говорит о своем герое как о человеке, «который хочет не столько понять людей, как поймать их на какой-то фальшивой игре» [5, с. 93]. «...необходимо, чтоб <...> все люди были понятны, как цифры», – определяет Самгин свою задачу [4, с. 173].

«Жизнь чрезмерно сложна», – говорит он Серафиме Нехаевой [4, с. 241]. «В стремлении своем упрощать непонятное» [4, с. 266] горьковский герой сводит сложность жизни и внутреннего мира людей к действию примитивных импульсов, будто бы движущих человеком, и проявлениям его тщеславия: «Самгин был убежден, что все люди честолюбивы, каждый хочет оттолкнуться от другого только потому, чтоб стать заметней, отсюда и возникают все разногласия, все споры. Но он начинал подозревать, что, кроме этого, есть в людях еще что-то непонятное ему. И возникало настойчивое желание обнажить людей, понять, какова та пружина, которая заставляет человека говорить и действовать именно так, а не иначе» [4, с. 221]. Самгину «всегда нравились <...> упрощающие мысли» [4, с. 155]. Так, он пытается «упростить» познавательный энтузиазм Дронова: «В книгах нет тех странных вопросов, которые волнуют Ивана, Дронов сам выдумывает их, чтоб подчеркнуть оригинальность своего ума» [4, с. 90]. «Макаровское недовольство миром раздражало Клима, казалось ему неумной игрою в философа, грубым подражанием Томилину» [4, с. 169]. Сильнейшая рефлексия Макарова, связанная с его отношением к женщине, воспринимается Самгиным как смешная ерунда, «которой жил этот человек. Нет сомнения – Макаров все это выдумал для самоукрашения, и, наверное, он втайне развратничает больше других. Уж если он пьет, так должен и развратничать, это ясно» [4, с. 146–147]. «Длинная проповедь» Макарова, в которой выражены мысли самого Горького о современной женщине – «матери человечества, возбудителя новой культуры», – для Самгина становится поводом дать товарищу следующую оценку: «романтик <...> дурачок» [4, с. 351]. Лидия, по мнению Клима, «боится любить и

этот страх – все, что казалось ему загадочным в ней. А его робость пред нею объясняется тем, что Лидия несколько заражает его своим страхом. Удивительно просто все, когда умеешь смотреть» [4, с. 315]. «Простенький стерженек, на котором <...> поднимает флаг своей оригинальности» мать Клима Вера Петровна, с его точки зрения, таков: «...стареет и ревнует» [4, с. 351]. Даже политические взгляды старшего поколения интеллигенции, искренность которых не вызывает ни малейшего сомнения, Самгин оценивает иначе: «Я с детства слышу речи о народе, о необходимости революции, обо всем, что говорится людьми для того, чтоб показать себя друг перед другом умнее, чем они есть на самом деле» [4, с. 253]. В четырех этих оценках (и отдельных людей, и целого поколения) реализована главная сущностная черта Самгина – его «выдуманность» им самим, которую он переносит вовне. Нетрудно заметить при этом, что найденная в человеке «пружина» характеризует ее обладателя в той или иной степени негативно, в каждом случае обнаруживая явную недоброжелательность горьковского героя; нелюбовь к людям доминирует в характере молодого Самгина.

Будучи почти статичным персонажем, Самгин не понимает естественности процесса развития личности окружающих его людей. «...персонажи “Жизни Клима Самгина” периодически возвращаются в поле зрения читателя, причем при каждом новом своем появлении характеризуются новыми, подчас резко отличными от прежних чертами» [15, с. 297]; «Внутренний и внешний облик героев романа, характер их поступков и действий не остаются неизменными. Уже в юности Клим отмечает: “Как быстро и неузнаваемо изменяются все”. В этом отношении глаз наблюдателя не подвел Самгина, хотя всякие перемены в характерах и поступках окружающих лиц удивляют его, кажутся ему неожиданными. Эти изменения, обусловленные совокупностью объективных и субъективных причин, никогда не противоречат внутренней сущности горьковских героев, каждый раз поступающих сообразно своему характеру» [14, с. 98].

«Люди пробуют различные маски, чтоб найти одну, наиболее удобную и выгодную», – находит Самгин «простой и ясный» ответ. Идея масок не случайно возникает в сознании горьковского героя. «...не “быть или не быть”, а “казаться” –

вот назначение Самгина» [10, с. 17]. Он часто воспринимает окружающих как своего рода разоблачителей. «...пристальный взгляд его кричащих глаз – взгляд соглядастая, который стремится обнаружить скрытое», – думает Самгин об Игоре Туробоеве [4, с. 215]; «Казалось, что Туробоев присматривается к нему слишком внимательно, молча изучает, ловит на противоречиях» [4, с. 274]. Оценивая Серафиму Нехаеву как человека наиболее образованного и умного по сравнению с его новыми знакомыми- ровесниками, главный герой повести чувствует «опасение, что Нехаева поймет в нем то, чего ей не нужно понимать, и станет говорить с ним так же снисходительно, небрежно или досадливо, как она говорит с Дмитрием» [4, с. 220]; Самгину «было неловко с человеком, который молча рассматривает тебя, как бы догадываясь о чем-то» [4, с. 249]. Его беспокоит Марина Премирова: «Когда Клим случайно оставался с ней в комнате, он чувствовал себя в опасности под взглядом ее выпуклых глаз, взгляд этот Клим находил вызывающим, бесстыдным» [4, с. 221] – и «неприятно щупающий взгляд» Лютова [4, с. 264].

Самгин-«кажущийся» с ранней юности «хорошо знает силу и обязательность» «стремления вороны украсить себя павлиньими перьями» [4, с. 92]. Молодой Самгин в высшей степени озабочен собственным имиджем: «Ночами, в постели, перед тем как заснуть, вспоминая все, что слышал за день, он отсеивал непонятное и неяркое, как шелуху, бережно сохраняя в памяти наиболее крупные зерна разных мудростей, чтоб, при случае, воспользоваться ими и еще раз подкрепить репутацию юноши вдумчивого. Он умел сказать чужое так осторожно, мимоходом и в то же время небрежно, как будто сказанное им являлось лишь ничтожной частицей сокровищ его ума. И были удачные минуты успеха, вспоминая которые он сам любовался собою с таким же удивлением, с каким люди любовались им» [4, с. 96]. Более всего горьковский герой заботится именно «о маске умного и независимо мыслящего человека для самого себя. <...> для Клима казаться является способом утверждения себя в обществе» [11, с. 64].

Почти органическая потребность Самгина «казаться» акцентирована Горьким в великолепно написанном эпизоде костюмированной вечеринки у Лютова. Самгин приходит туда «одетый алхимиком» [5, с. 241]. Выбор Горьким костюма Самгина

очень значим. «Вот – человек оделся рыцарем, – почему? Почему – именно рыцарем?» – спрашивает о ком-то Лютов Кутузова, подразумевая тождественность человеческой сути ее внешнему выражению. Тайнственное одеяние алхимика – это знак желания горьковского героя быть неразгаданным. Его символический образ по-разному интерпретируется гостями. Лютов пытается разгадать представшую перед ним фигуру: «Парацельс? Агриппа?» – а затем называет не узнаваемого им Самгина «астрологом» и «мудрецом»; артист Ермаков и Антон Тагильский единодушны в определении: «чародей»; «матрос» говорит, что Самгин – «фокусник»; некто неназванный – «маг»; «арлекин» (Макаров) – «предрассудок»; «пьяный в белом парике» – «дядя», «чучело» [5, с. 242–254]. Показательны и пестрота, и диапазон определений фигуры Самгина (от «Парацельса» и «Агриппы» до «дяди» и «чучела»), и постепенное, но отчетливое фактическое и стилистическое снижение их.

Эпизод маскарада введен Горьким для того, чтобы показать, что и в реальной жизни Самгин – фигура, по словам Степана Томилина, «скрытая», «прячущаяся» и практически не разгаданная, не узнаваемая окружающими людьми, большинство из которых пребывает в устойчивом заблуждении относительно сущности горьковского героя. «<...> он умеет спрятаться от людей, он неуловим <...> его постоянно принимают не за того, кем он является в действительности» [12, с. 238]. «Юноша независимого ума», – отзывается о Климе его учитель Степан Томилин [4, с. 306]. «Особенный», – выделяет Клима Лидия; «Какой-то талант у тебя должен быть», – убеждена она [4, с. 409, 294]. В начале знакомства с Самгиным Лютов называет его «двоеточием, за которым последует неизвестно что, но – что-то оригинальное» [4, с. 435]; «Ты, Самгин, держишь себя в кулаке, ты – молчальник, и ты не пехота, не кавалерия, а – инженерное войско, даже, может быть, генеральный штаб <...>!» – искренне говорит Лютов, беседуя с Самгиным в трактире Тестова [5, с. 125]. Преис ошибочно предполагает в главном герое романа человека, избравшего «путь, которым идет рабочий класс» («Насколько я понимаю вас, вы – не идеалист и ваш путь – этот, трудный, но прямой!» [4, с. 495]), так же как народник Маракуев видит в нем марксиста, осуждаемого за приверженность материализму [4, с. 496]. «...у вас что-то есть про себя, должно быть что-то», – уверен Иноков [4, с. 528]. «Какой вы

проницательный <...> замечательно проницательный», – говорит он Самгину [5, с. 72]. «...вы – умный, искреннее слово! Это ясно хотя бы из того, как вы умело молчите», – почти восхищается Самгиным Антон Тагильский [5, с. 167]. Однако со временем истинная сущность центрального персонажа все-таки начинает проявляться для действительно проницательных горьковских героев. Так, Макаров ни на минуту не заблуждается относительно Самгина и дает ему достаточно верную оценку: «Здоровая психика у тебя, Клим! Живешь ты, как монумент на площади, вокруг – шум, крик, треск, а ты смотришь на все, ничем не волнуясь» [4, с. 344]. Более поздняя оценка Самгина Лютовым практически совпадает с мнением Макарова: «Ты хладнокровно, без сострадания ведешь какой-то подсчет страданиям людей, как математик, немец, бухгалтер, актив-пассив, и черт тебя возьми! <...> Я, брат, не люблю тебя, нет! Интересный ты, а – не сим-па-ти-чен. И даже, может быть, ты больше выродок, чем я. <...> С какой крыши смотришь ты на людей? Почему – с крыши?» [5, с. 126]. Особенно ясно видит сущность Самгина Игорь Туробоев, который говорит о его желании «придумать третий» ответ, находящийся между «да» и «нет» [4, с. 274].

Реальная жизнь в восприятии Самгина столь сложна, что сложность эта трансформируется в фантазмагоричность, а восприятие действительности становится парадоксальным. В этом главный герой не одинок. «Чепуха какая <...> Вам кажется, что вы куда-то не туда бежали, а у меня в глазах – щепочка мелькает, эдакая серая щепочка, точно ею выстрелили, взлетела... совсем как жаворонок... трепещет. Удивительно, право! Тут – люди изувечены, стонут, кричат, а в память щепочка воткнулась. Эти штучки... вот эдакие щепочки... черт их знает! <...> Меня один человек хотел колом ударить, вырвал кол и занозил себе руку между пальцами, – здоровенная заноза, мне же пришлось ее вытаскивать... у дурака. <...> Щепочки, занозы... Какая-то пыль в душе» [5, с. 58], – говорит Самгину Иноков после обрушения стены артиллерийской казармы.

Ощущение «пыли в душе», отсутствия главного впечатления знакомо Климу с ранней юности. Действительность в его восприятии порой утрачивает реальные

черты. «Размышления о женщинах стали самым существенным для него, в них сосредоточилось все действительное и самое важное, все же остальное отступило куда-то в сторону и приобрело странный характер полусна, полужива. Полусном казалось и все, чем шумно жили во флигеле», – пишет Горький об ощущениях Самгина-гимназиста [4, с. 121]. «Вообще пред ним все чаще являлось нечто сновидное и такое, чего ему не нужно было видеть <...>, что, не имея смысла, только отягощало память», – таково внутреннее состояние Клима перед его неопределенной болезнью [1, с. 390]. Впечатление Самгина от панорамы Москвы, которую он и Макаров наблюдают после случившегося на Ходынке, «было странно, как сновидение» [4, с. 469].

Фантазмагоричность действительности в восприятии горьковского героя постепенно усиливается. Обилие и разнородность жизненных впечатлений, которые Самгин не может структурировать и в которых теряется, приводят его к тому, что он испытывает несколько измененных состояний, усложняющихся и прогрессирующих. Результат делового визита Лютова к Варавке – «состояние угнетения» Самгина «бессмыслицей» [4, с. 310–311]. После разговора с Макаровым о попытке самоубийства, «слушая, как рычит, приближаясь, гром, Клима задумался о чем-то беспредметном, что не укладывалось ни в слова, ни в образы. Он ощущал себя в потоке неуловимого, – в потоке, который медленно проходил сквозь него, но как будто струился и вне мозга, в глухом реве грома, в стуке редких, крупных капель дождя по крыше, в пьесе Грига, которую играл Макаров. <...> Затем все примолкло, и в застывшей тишине Клима еще сильнее почувствовал течение неоформленной мысли. Это не было похоже на тоску, недавно пережитую им, это было сновидное, тревожное ощущение падения в некую бездонность и мимо своих обычных мыслей, навстречу какой-то новой, враждебной им. Свои мысли были где-то в нем, но тоже бессловесные и бессильные, как тени. Клима Самгин смутно чувствовал, что он должен в чем-то сознаться пред собою, но не мог и боялся понять: в чем именно?» [4, с. 324–325]. Наблюдая за Макаровым, Туробоевым, Алиной и Лидией, Клима чувствует, «что им снова овладевает настроение пережитой ночи»: «Клима Самгин не впервые представил, как в него извне механически вторгается множество острых,

равноценных мыслей. Но, когда он пробовал привести в порядок все, что слышал и читал, создать круг мнений, который служил бы ему щитом против насилия умников и в то же время с достаточной яркостью подчеркивал бы его личность, – это ему не удавалось. Он чувствовал, что в нем кружится медленный вихрь различных мнений, идей, теорий, но этот вихрь только расслабляет его, ничего не давая, не всасываясь в душу, в разум. Иногда его уже страшило это ощущение самого себя как пустоты, в которой непрерывно кипят слова и мысли, – кипят, но не согревают...» [4, с. 327–328].

Постепенно для Самгина начинает проявляться абсолютная невозможность самоопределения. Действительность, которая не поддается упрощению и все чаще предстает Климу как «нечто сновидное», и невозможность сориентироваться в ней постепенно усугубляют измененное состояние сознания Самгина, и оно становится болезненным. «Минутами Самгину казалось, что его вместилище впечатлений – то, что называют душой, – засорено этими мудрствованиями и всем, что он знал, видел, – засорено на всю жизнь и так, что он уже не может ничего воспринимать извне, а должен только разматывать тугой клубок пережитого. Было бы счастьем размотать этот клубок до конца. А вслед за тем вспыхивало и обжигало желание увеличить его до последних пределов, так, чтоб он, заполнив все в нем, всю пустоту, и породив какое-то сильное, дерзкое чувство, позволил Климу Самгину крикнуть людям: “Эй, вы! Я ничего не знаю, не понимаю, ни во что не верю и вот – говорю вам это честно!”» Однако для совершения этого поступка у Самгина «не было ни дерзости, ни силы» [4, с. 396–398].

Принципиально важным на данном этапе формирования личности Клима Самгина представляется несомненный факт мучительного, вплоть до физиологических проявлений, процесса поиска Самгиным своего «я», мучительный тем более, что вектор этого поиска изначально задан неправильно. «...пора принять какую-то идею, как это сделали Томилин, Макаров, Кутузов. Надо иметь в душе некий стержень, и тогда вокруг его образуется все то, что отграничит личность от всех других, обведет ее резкой чертою. Определенность личности достигается тем, что человек говорит всегда одно и то же, – это ясно», – думает Самгин. Не менее

важно то, что определение, ставшее одним из символических атрибутов личности Самгина, он формулирует в измененном болезнью состоянии сознания: «Личность – комплекс прочно усвоенных мнений, это – оригинальный лексикон». Эта ложная мысль тем не менее продолжает жить в нем и после выздоровления, сопротивляясь истинному началу Самгина. «Человек – это система фраз, не более того», – уточняет Клим свое первое определение личности как «оригинального лексикона».

В данный момент повествования Самгин воспринимает себя только как человека, «который все еще не может создать свою систему фраз» [4, с. 389]. Причина этого заключается и в том, что бессознательно Самгин все-таки ощущает ложность своих порожденных болезнью постулатов, и в том, что внутренний поиск Самгина абсолютно органичен и честен: создание «системы фраз» не явилось бы для него слишком сложной задачей, а функционирование этой системы потребовало бы только минимальной полуактерской-полубытовой – обычной игры, хорошо знакомой Самгину. Тем не менее «оригинальный лексикон» – это хоть и ложное, но кажущееся ему верным средство гармонизации хаоса реальности, объективного определения сущности человека и максимальной отстраненности от действительности, настоятельно требующей определенной жизненной позиции, ее недвусмысленного выражения, однозначного ответа – «да» или «нет» и не допускающей бегства в нечто иное, третье. В искренней, но безуспешной попытке молодого Самгина разобраться в себе и окружающем мире Горьким прорисованы первые штрихи, из которых впоследствии сложится трагичный портрет главного героя его итогового произведения.

Список литературы

1. Воронин В. С. Фантазия и абсурд хронологического сдвига в «Жизни Клима Самгина» [Текст] / В. С. Воронин // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения. – 2004: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. – 597 с. – С. 386–394.

2. Воронин В. С. Художественный мир «Жизни Клима Самгина» и триалектические воззрения современности [Текст] / В. С. Воронин // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 года. – Материалы Международной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – 478 с. – С. 273–280.
3. Гавриш Т. Р. Художественное изображение рефлекслирующего сознания (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина») [Текст] / Т. Р. Гавриш // Мировое значение М. Горького (К 150-летию со дня рождения) : тез. докл. науч. конф., 27–30 марта 2018 г. – Москва, 2018. – С. 21–22.
4. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1968–. Т. 21: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 1]. – 1974. – 572, [3] с.
5. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1968–. Т. 22: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 2]. – 1974. – 683, [3] с.
6. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 1968–. Т. 23: Жизнь Клима Самгина. 1925–1936: [Ч. 3]. – 1975. – 412, [3] с.
7. Егорова Л. П. «Жизнь Клима Самгина»: современные аспекты изучения [Текст] / Л. П. Егорова // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения. – 2004: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2006. – 597 с. – С. 379–385.
8. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: диалоги на границах столетий [Текст] / В. В. Заманская. – М.: Флинта, 2002. – 302 с.
9. Мусатов В. В. История русской литературы первой половины XX века (советский период) [Текст]: учебное пособие / В. В. Мусатов. – М.: Высшая школа, 2001. – 309 с.
10. Никулина Н. И. Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Текст] / Н. И. Никулина. – Л.: Тип. Гизлегпрома, 1957. – 51 с.

11. Оляндер Л. К. Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и социокультурный контекст начала и конца XX века [Текст] / Л. К. Оляндер // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи. Горьковские чтения. – 2004: Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2006. – 597 с. – С. 62–70.
12. Резников Л. Я. Повесть М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Проблемы жанра и стиля [Текст] / Л. Я. Резников. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. – 531 с.
13. Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Текст] / Т. В. Савинкова // Мировое значение М. Горького (К 150-летию со дня рождения) : тез. докл. науч. конф., 27–30 марта 2018 г. – Москва, 2018. – С. 69.
14. Строков П. С. Эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Текст] / П. С. Строков. – М.: Советский писатель, 1962. – 413 с.
15. Тагер Е. Б. Творчество Горького советской эпохи [Текст] / Е. Б. Тагер. – М.: Наука, 1964. – 378 с.

References

1. Voronin V. S. Fantaziya i Absurd Hronologicheskogo Sdviga v «Zhizni Klima Samgina» [Fantasy and Absurdity of the Chronological Shift in The Life of Klim Samgin]. Gorkovskie Chteniya of 2004: Materials of International Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006, pp. 386–394.
2. Voronin V. S. Khudozhestvennyi Mir «Zhizni Klima Samgina» i Trialekticheskie Vozzreniya Sovremennosti [The Artistic World of The Life of Klim Samgin and Trialectical Views of Modernity]. Gorkovskie Chteniya of 2006: Materials of International Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2008, pp. 273–280.
3. Gavrish T. R. Khudozhestvennoe Izobrazhenie Refleksiruyushchego Soznaniya (na Materiale Romana M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina») [Artistic Image of Reflective Consciousness (Based on the Novel by M. Gorky The Life of Klim Samgin)]. To the

150th Anniversary: Abstracts of International Conference, 27–30 March 2018. Moscow, 2018, pp. 21–22.

4. Gorky M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 25 Tomakh. Khudozhestvennyye Proizvedeniya* [Complete Works In 25 Volumes. Artistic Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature, 1968, Vol. 21, *Zhizn Klima Samgina. 1925–1936: [Part 1]*, 572 p.
5. Gorky M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 25 Tomakh. Khudozhestvennyye Proizvedeniya* [Complete Works In 25 Volumes. Artistic Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature, 1968, Vol. 22, *Zhizn Klima Samgina. 1925–1936: [Part 2]*, 683 p.
6. Gorky M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 25 Tomakh. Khudozhestvennyye Proizvedeniya* [Complete Works In 25 Volumes. Artistic Works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature, 1968, Vol. 23, *Zhizn Klima Samgina. 1925–1936: [Part 3]*, 412 p.
7. Yegorova L. P. «*Zhizn Klima Samgina*»: *Sovremennyye Aspekty Izucheniya* [The Life of Klim Samgin: Modern Aspects of the Study]. *Gorkovskie Chteniya of 2004: Materials of International Conference*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006, pp. 379–385.
8. Zamanskaya V. V. *Ekzistentsialnaya Traditsiya v Russkoi Literature XX Veka: Dialogi na Granitsakh Stoletii* [An Existential Tradition in Russian Literature of the 20th Century: Dialogues at the Borders of Centuries]. Moscow: Flinta Publ., 2002, 302 p.
9. Musatov V. V. *Istoriya Russkoi Literaturny Pervoi Poloviny XX Veka (Sovetskii Period)* [History of Russian Literature of the First Half of the 20th Century (Soviet Period)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001, 309 p.
10. Nikulina N. I. *Roman M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina»* [M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin]. Leningrad, State Publishing House of Light Industry, 1957, 51 p.
11. Olyander L. K. *Roman M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina» i Sotsiokulturnyi Kontekst Nachala i Kontsa XX Veka* [M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin and the Sociocultural Context of the Early and Late 20th Century]. *Gorkovskie Chteniya of*

-
- 2004: Materials of International Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006, pp. 62–70.
12. Reznikov L. Ya. Povest M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina». Problemy zhanra i stilya [M. Gorky's Story The Life of Klim Samgin. Problems of Genre and Style]. Petrozavodsk: Karelia Publishing House, 1964, 531 p.
  13. Savinkova T. V. Ekzistentsialnaya Problematika v Romane M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina» [Existential Problems in M. Gorky's Novel The Life of Klim Samgin]. To the 150th Anniversary: Abstracts of International Conference, 27–30 March 2018. Moscow, 2018, p. 69.
  14. Stokov P. S. Epopeya M. Gorkogo «Zhizn Klima Samgina» [M. Gorky's Epic The Life of Klim Samgin]. Moscow: Sovetsky Pisatel Publ., 1962, 413 p.
  15. Tager Ye. B. Tvorchestvo Gorkogo Sovetskoi Epokhi [The Gorky's Work of the Soviet Era]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 378 p.

**MAXIM GORKY AS AN ARTIST-INNOVATOR: THE EXISTENTIAL ORIGIN
OF THE NOVEL *THE LIFE OF KLIM SAMGIN***

Gavrish T. R.

Summary. The experience of studying the novel *The Life of Klim Samgin* reflects the undoubted fact of Gorky's artistic innovation, which created his final work at the junction of realism and modernism and anticipated in the central character the hero of the classical existential novel. It is motivated from philosophical and artistic points of view: the theme of man, his absolute loneliness in an alien absurd world and personal search for a way became one of the universal themes in the art of the 20th century. The latest literary studies are enriched by the experience of interpretation of *The Life of Klim Samgin* as an existential narrative. The specificity of the existential is reflected in the relations of Gorky's heroes with reality and in their self-perception. Gorky examines the phenomenon of internal fragmentation and self-determination of the contemporary intellectual, the question of man's secondariness to the environment, the problem of loneliness and the attitude of man towards the other. In a sincere, but unsuccessful Samgin's attempt to understand himself and the world around him Gorky drew the first strokes, from which a tragic portrait of the main character of his «farewell» work would later emerge.

Keywords: *The life of Klim Samgin*, artistic innovation, existential, intelligent contemporary, changed consciousness, hostility of reality, personal search for a way.